

I

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Каким был автор «Слова о полку Игореве»?

Л. А. Дмитриев совершенно прав, когда считает, что все попытки найти среди упоминаемых в источниках людей XII в. автора «Слова» до сих пор не удавались и вряд ли удадутся в будущем. Нельзя ограничивать число возможных авторов только упомянутыми в источниках. Культура Руси XII в. была высокой и пишущих людей было много.

И еще одно соображение: памятников, подобных «Слову», до нас не дошло не потому, что их не было, а потому, что они не сохранились. Обратим внимание хотя бы на то, что очень многие жанры в древнерусской литературе в XI—XIII вв. представлены только по одному памятнику («Слово» и «Моление» Даниила Заточника, «Слово о гибели Русской Земли», «Жизнеописание Даниила Галицкого», «Повесть о взятии Константинополя» крестоносцами в 1204 г., личный летописец Германа Вояты, «Вопрошания» Кирика, его же математический трактат и пр.).

Однако если нет реальных возможностей найти имя автора «Слова», то есть обильные возможности для того, чтобы представить себе, каким был автор «Слова»: его профессионализм, его осведомленность, его убеждения (политические, религиозные и пр.), его отношения к отдельным князьям и исторические представления. Именно такого «реконструируемого» автора «Слова» на основании его же произведения мы и попытаемся представить в предлагаемой вниманию читателей статье.

Наши наблюдения будут делаться на основе дошедшего текста без всяких перестановок, но с общепринятыми поправками, и поправками бесспорными. Всякий документ, а текст «Слова» — это документ, хотя и поэтический, сохраняет свою документальность, поскольку он опирается на дошедшие тексты (первое издание «Слова» и Екатерининскую копию). В документ возможно вносить лишь минимальное количество поправок, и только те, которые обоснованы всесторонне — лингвистически, литературоведчески, палеографически, исторически или подкреплены расчетами числа букв в строке или на странице (как это делается при предположении о выпавших, перевернутых или переставленных в обветшавшей рукописи листах).

Далее. Мои соображения об индивидуальности автора «Слова» основываются исключительно на моих исследованиях: комментариях к тексту

«Слова» в издании «Слова» в серии «Литературные памятники»,¹ на исследованиях, собранных во втором издании книги «„Слово о полку Игоре“ и культура его времени»² и на моих же статьях, затрагивающих вопросы о перестановках в тексте «Слова»³ и о диалогическом его строении.⁴

На основании опыта этих работ можно утверждать следующее. Прежде всего автор «Слова» — профессиональный литератор, противопоставляющий себя Бояну именно потому, что он сходен с ним по своей деятельности. Боян же — певец, владевший игрой на десятиструнных гусях (музыкальный инструмент, требовавший профессионального владения им) и слагавший самостоятельно песни о событиях, связанных с различными князьями. Профессионал не обязательно должен был быть политическим сторонником того или иного князя. Он мог быть по-своему правдив и свободен и не зависеть от княжеского дара. Это право быть независимыми признавалось до середины XIII в., когда впервые отказ певца Митусы служить князю Даниилу был воспринят как измена.⁵

Право свободно говорить правду в глаза князю, отнятое в XIII в. у княжеских певцов, сохранилось за народными игроцами, к которым в домонгольский период принадлежал Даниил Заточник и которых в свою очередь стали преследовать, но уже в XVII в.

Говоря о типе княжеского певца, можно сказать, что он был сходен с тем, что господствовал по всей Европе: и в манере исполнять свои произведения, в жанрах, ими любимых, было много общего (работы Р. Абихта,⁶ М. И. Стеблина-Каменского,⁷ Д. М. Шарыпкина⁸).

Княжеский певец был профессиональным певцом, владевшим сложным искусством слагать свои песни. Он исходил не только из традиции (знание традиций требовало своеобразной литературной образованности), но из самостоятельного творчества, обладая умением удерживать в памяти сказанное раньше, а также искусством свободной лирической композиции, при которой он не просто излагал события как летописец в хронологической последовательности, а, скорее, откликался на события, предполагая в своих слушателях и читателях знание русской истории. Все это требовало незаурядного дарования. Совершенно невероятно, чтобы такое сложное искусство могло быть «побочным занятием» при какой-нибудь высокой государственной должности (князя, боярина, дружинника, дипломата и т. п.). Иными словами: совершенно исключается возможность того, чтобы автором был сам князь Игорь или кто-то из высокого княжеского окружения Игоря, Святослава, Всеволода и т. п.

Как и всякий подлинный художник, автор «Слова» не делит своих персонажей на положительных и отрицательных. Этот примитивный, «школьный» вариант трактовки действующих лиц ему совершенно чужд.

¹ См.: Слово о полку Игоре. М.; Л., 1950. С. 375—466. (Сер. «Лит. памятники»).

² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игоре» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985.

³ Лихачев Д. С. В защиту «Слова о полку Игоре» // ВЛ. 1984. № 12. С. 80, 92—93.

⁴ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игоре» // РЛ. 1984. № 3. С. 130—144.

⁵ См.: Ипатьевская летопись под 1241 г. // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 794.

⁶ Abicht R. Das südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. Breslau, 1906.

⁷ Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 77—93. (Сер. «Лит. памятники»).

⁸ Шарыпкин Д. М. 1) Скандинавская тема в русской романтической литературе (1825—1840) // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 161—177; 2) Боян в «Слове о полку Игоре» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 14—22.

Он не делит княжеские линии на те, которым он сочувствует, и на те, которые он считает отрицательными. Он в равной степени свободно осуждает Ольговичей и Мономаховичей, Ярославичей и Всеславичей. Однако вместе с тем он сочувствует личным несчастьям тех и других. В его произведении нет злодеев или «положительных героев». Об этом я много писал, и нет необходимости это повторять сейчас. Как нет необходимости приводить примеры осуждения автором Игоря, а вместе с тем и сочувственного к нему отношения — к его ранам, к его бедствиям, как и к несчастному положению его жены «Ярославны», сумевшей все же вымолить у природы (ветра, солнца и рек) возвращение ее мужа из плена в своем плаче, который был бы художественно не оправдан, если бы автор относился к Игорю и его ошибкам примитивно отрицательно. Отклики в природе, стремление природы помочь и предупредить русских об опасности, помощь зверей и оплакивание павших даже в несправедливой борьбе (как, например, юноши Ростислава) свидетельствуют о широком человеческом сочувствии автора «Слова» любому человеческому горю. Особенно ясно это в отношении населения русских городов и сел, злосчастная судьба которого постоянно беспокоит, а радости которого при возвращении Игоря на Русскую землю он явно сочувствует. В «Слове» вообще нет злобы, хотя есть осуждение многих и многого. Необходимо добавить к тому, что я уже писал на этот счет, что и к половцам автор относится как к врагам, но без попытки изобразить их в оскорбительной манере. Напротив, диалог гнавшихся за бежавшим Игорем ханов Гзы и Кончака свидетельствует о признании за ними «равноправной» стороны, рассуждающей о том, как удержать Игоря в своем лагере (с помощью девицы, т. е. предполагаемого супружества). При этом и вопроса не возникает, чтобы засадить Игоря в поруб или заковать.

Вместе с тем кого он больше всего жалеет, кому сочувствует во всех его несчастьях и ошибках, принесящих много горя народу, — это, конечно, Игорь.

Каково было отношение автора «Слова» к летописи? «Повесть временных лет» он явно знает (у меня в работах приведены и примеры), но знает он и больше того, что есть в летописях. Это несомненно. М. Д. Приселковым было текстологически⁹ обосновано и выделено самостоятельное летописание Ольговичей (в первую очередь Святослава и его сына Игоря) в составе Ипатьевской летописи. Обоснования М. Д. Приселкова были мною учтены и развиты в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947), а затем в ряде специальных исследований (см., например, в книге «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени». Л., 1985). Возникает вопрос: не является ли автор «Слова» летописцем Игоря, тем более что в обширном летописном повествовании о походе Игоря есть и сходное осуждение Игоря, и сочувствие ему, и ряд близких выражений и определений. Однако сходство летописного рассказа о походе касается таких фактов и таких словесных оборотов и лексических совпадений, которые по

⁹ Подчеркну, что русская филологическая и историческая наука выработала строгую методику анализа летописей и установления их истории на основе кропотливого сличения текстов всех дошедших до нас списков. Это грандиозное завоевание русской текстологии принадлежит А. А. Шахматову и его последователям (М. Д. Приселкову, А. Н. Насонову) и было распространено затем на изучение всех древнерусских текстов, дошедших до нас во многих списках. Текстологическая методика полностью исключает субъективный подход к летописям и субъективное же выделение в них летописей-протографов. Опровергнуть выводы текстологического анализа можно, только повторно исследовав и пересмотрев результаты сличения текстов. См. подробнее о текстологических методах современной науки: Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 49—57.

своему характеру ближе к «Слову», чем к летописному способу выражения. Поэтому, по всей видимости, не летопись влияла на «Слово», а «Слово» — на летопись. Иными словами, «Слово» было известно летописателю Игоря. Поскольку летопись Игоря отражала его мысли (ср. две исповеди Игоря в составе рассказа о походе 1185 г.), можно думать, что и «Слово» не было тайной от Игоря и, вероятнее всего, составлялось где-то в ближайших к Игорю кругах. Но судя по тому, что автор «Слова» знает обращение Святослава к русским князьям (см. его «золотое слово со слезами смешано») и эти обращения продолжает от себя, берет на себя смелость говорить за Святослава, автор близок и к Святославу Киевскому. Т. е. можно предполагать переезды автора как странствующего профессионального певца из одного княжества в другое, что в свою очередь объясняет его хорошую ориентацию в княжеских делах своего времени, т. е., как я считаю, — времени самого похода. «Слово» носит характер живого, непосредственного отклика на события похода Игоря, его пленения и бегства. Высоким положением профессионального певца, а не только традиционными приемами певца, объясняется его свободное обращение ко всем современникам событий похода.

Положение певца в средневековой Европе, а очевидно и на Руси, было достаточно высоким, поэтому автор «Слова» говорит с князьями, обращается к ним как равный. У него нет униженного тона, как, скажем, у Даниила Заточника. Именно этим объясняется то, что мы не можем найти границу между «золотым словом» Святослава и его продолжением, принадлежащим автору «Слова». Автор «Слова» явственно ощущает свое высокое положение в обществе, как и Боян, который также судит князей как равный.

Все это объясняет, почему автор «Слова» не призывает к восстанию против князей или к победе одной линии княжеского рода над другой. У него нет политической озлобленности. Он судит своих современников с высоты своего положения певца-пророка, а не унижаемого и страдающего представителя низов. Он вообще ничей не «представитель». Он выше и он независим. Он над распрями Ольговичей и Мономаховичей, Ярославичей и Всеславичей.

Отличие автора «Слова» от летописца прослеживается еще в одном вопросе: вопросе о «язычестве» автора «Слова». Ни один летописец не говорит о языческих богах или поверьях с верой в них или в целях передачи каких-то художественных идей, мотивов, настроений. Между тем автор «Слова» постоянно прибегает к языческой мифологии. Спрашивается: делает ли он это, веря в языческих богов, или для него языческие боги и поверья лишь средство для передачи своих художественных представлений — художественные образы, аллегории, символы? В «Слове» есть немало языческих элементов, в реальную религиозную значимость которых автор «Слова» поверить не мог. Вряд ли автор «Слова» верил в реальность «Девы Обиды» или древа, склоняющегося до земли «съ тугою». Это не что иное, как художественные образы.

Между тем заключительный приезд Игоря к церкви Богоматери Пирогощей — это, конечно, «подразумеваемая реальность». Под «подразумеваемой реальностью» я разумею желание автора выдать изображенное не за аллегорию, а за действительное событие. Это исключает возможность аллегорического смысла обращения Игоря к церкви (или иконе) Пирогощей. Игорь христианин, как и автор «Слова». Так же точно христианин и Боян, говорящий в своей «припевке» о «суде Божьем» («Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути»). Суд Божий предполагает существование единого Бога. Трудно представить себе посмертный «суд Божий» в языческом многобожии. Таким образом, и в данном случае автор «Слова»

сходен с певцом, жившим за век до него. Одна деталь, однако, привлекает к себе внимание: обращаясь в своем плаче к солнцу, ветру и Днепру, Ярославна изображена как верящая в их силу. Это говорит о том, что автор «Слова» не отрицал существования языческой веры у других, и характерно — у Ярославны, что очень правдоподобно, учитывая известный религиозный консерватизм женщин.

Можно было бы еще многое говорить об особенностях мировосприятия автора. Однако в этом нет необходимости, так как любой вывод о «Слове» как о произведении является выводом и о его авторе.

Сказанного об авторе «Слова» в целом, как мне кажется, достаточно, чтобы отпали некоторые из гипотез, пытающиеся навязать «Слову» совсем неподходящих авторов, найти его имя и положение среди скудного числа случайно дошедших до нас в документах имен. Автор «Слова» принадлежал к многочисленному и, как явствует из дошедших до нас памятников искусства, талантливому народу. Нельзя поэтому не согласиться с общими осторожными выводами статьи Л. А. Дмитриева «К вопросу об авторе „Слова о полку Игореве“». ¹⁰

¹⁰ См.: РЛ. 1986. № 4. С. 3—24.